

Елена Шахновская

ГРАНД-КОКЕТ

Действующие лица:

ФАЯ, 19 лет, начинающая актриса.

ВОЛЬДЕМАР, 35 лет, герой-любовник.

Керчь, 1915 год.

В темноте раздается грохот. Потом смех и аплодисменты.

В затемненной, довольно пыльной театральной гримерке мечется ФАЯ, высокая крупная девушка, одетая в бордовое платье с глубоким декольте, рюшами и кружевами, которое совершенно ей не идет. Срывает с себя шляпу, украшения, накидку, бросает их в большую корзину. Сметает какие-то склянки с трюмо. Оглядывается.

ВОЛЬДЕМАР (*врывается в гримерную*). С такой грацией, деточка, нужно работать в коровнике!

ФАЯ (*замирает*). Владимир Николаевич, простите ради бога, я думала, там гора эта к обрыву прибита.

ВОЛЬДЕМАР. Дояркой! Или лучше – коровой!

ФАЯ. Но я же не знала, что она деревянная... Вам больно?

ВОЛЬДЕМАР. Мне за искусство больно! Набрали девиц по объявлению по двадцать рублей за штуку.

ФАЯ (*берет со стола графин с водой, неловко пытается приложить его к голове Вольдемара*). По тридцать пять.

ВОЛЬДЕМАР (*забирает графин*). Чего?

ФАЯ. Рублей.

ВОЛЬДЕМАР. Доплатили, значит, за элегантность.

Фая отворачивается, вытаскивает из лифа скомканную бумагу, быстро разворачивает, протягивает.

ВОЛЬДЕМАР (*читает*). Принимаются на роли героинь гранд-коккет с пением и танцами (смотрит на нее, она делает какое-то странное танцевальное па) за тридцать пять рублей со своим гардеробом... А ты умеешь себя продать, дорогуша. (*Возвращает бумагу*). Так, с тобой вообще хоть кто-нибудь репетировал? Где Лиза?

ФАЯ. Сказали, что рождает.

ВОЛЬДЕМАР. А Ольга где?

ФАЯ. Ольга в Петербурге. Уехала делать революцию.

ВОЛЬДЕМАР. А ты почему не уехала?

ФАЯ. Вы же меня только что видели. Я как приеду, развернусь, там и конец революции.

ВОЛЬДЕМАР. Так. Ты можешь просто аккуратно выйти, аккуратно постоять у обрыва и потом так же аккуратно уйти?

ФАЯ (*подходит, кладет ему руки на плечи*). Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...

ВОЛЬДЕМАР. Господи. И эта туда же.

ФАЯ. Вот видите, Владимир Николаевич.

ВОЛЬДЕМАР. Вижу, как тут не увидеть.

ФАЯ. Совсем меня не хотите.

ВОЛЬДЕМАР. А кто меня спрашивал. Говорил же сто раз Лавровской: прекрати брать этих гимназисточек, бредящих театром! Пять статисток в труппе, никто ни черта не умеет. Только книксены и говорить «месье» с фальшивым прононсом! Говорил — заплати одной, нормальной, выпиши из Москвы, из Петербурга, откуда хочешь привези, мне же тут играть кого? с кем? кому я тут любовник?! Так нет же, все экономит, стерва.

ФАЯ (*вдруг тянет его на диван*). Как женщину, вот что, как розу меня не хотите! Как нежную ту, орхидею! Ну-ка, ну-ка, взгляните (*опускает платье с плеча*), может все-таки — а, хотите? Ну? Перси-ланиты? Подумайте, все-таки вы у нас жен-премье, чего вам стесняться, берите меня давайте, берите, чего расселись.

Вольдемар хватает графин, собирается брызнуть в Фая, которая картинно ложится на кушетку.

ФАЯ. Ну поцелуйте же меня, Вольдемар, не томите!

ВОЛЬДЕМАР (*пьет из графина*). Прямо водевиль какой-то.

ФАЯ (*садится, натягивает платье обратно*). Вот именно. А это драма.

ВОЛЬДЕМАР. Да какая драма. Десять лет на сцене, и каждый сезон какая-нибудь деваха непременно повалится на диван. Я даже привык. Вставай давай уже. Не такой уж я бонвиан, как говорят.

ФАЯ. Триста лет вы мне сдались, Владимир Николаевич.

ВОЛЬДЕМАР. Ах вот оно что. Вот и хорошо, вот и славно. Пройдет, к той неделе и не вспомнишь про меня даже. А хочешь, я тебя с Борисом познакомлю? Он даже получше меня будет. Влюбишься в него как раз, а про меня и забудешь.

ФАЯ. Да не влюблена я в вас.

ВОЛЬДЕМАР. Что, ни чуточки?

ФАЯ. Совсем.

ВОЛЬДЕМАР. Ну и отлично. Целее будешь.

ФАЯ. Просто я некрасивая. Вот вы меня и не хотите, я же знаю.

ВОЛЬДЕМАР. Я и пострашнее видел.

ФАЯ. Вы не понимаете, Владимир Николаевич. Вот вы мужчина, и поэтому ничего, ничего не понимаете! *(Вскакивает)*. Я некрасивая, некрасивая, видите? Женщина-урод я.

ВОЛЬДЕМАР. Послушай, ну ты же актриса. Загримируешься, приоденешься... Утянешься. Богиня будешь.

ФАЯ. Я лучше разденусь. Буду первая в мире жирная Афродита.

ВОЛЬДЕМАР. Тебя зовут-то как, Афродита?

ФАЯ. Фая.

ВОЛЬДЕМАР. Из евреев? Фамилию хотя б нормальную себе найди.

ФАЯ. И занятие.

ВОЛЬДЕМАР. Ты все же смешная.

ФАЯ. Так ведь честнее, знаете. Не притворяться. Не надеяться. Бывает, сидишь в гостях или там в заведении, и вечер такой хороший, легкий, когда всем весело и даже немного страшно, что весело, и говоришь так вроде забавно, и все тебе удается. Ты замечаешь кого-то в дурацкой шляпе или ботинках, спиной, в дверях, не оборачиваясь. Ты сразу, заранее, все понимаешь и говоришь только ему, только с ним, незаметно и как бы нечаянно. Ты смеешься, чуть громче, чем оно того стоило, и с каждым играешь, и с каждым — ну как бы бываешь такой остроумной, что даже красивой. И он что-то чувствует, тот человек, какое-то странное беспокойство, и вы идете на улицу, будто случайно, и ты, смеясь, забывая, что женщина, предлагаешь пальто: «Замерзли? Подумайте! Ведь вы такой нежный». Он тоже смеется. Вы долго курите его сигареты, дешевые, глупые какие-то, их потом не смыть еще с пальцев, и говорите бог знает о чем, в темноте, под дождем, почти наощупь. Ты спотыкаешься о ямку или корягу, вот тут как раз вспомнив, что женщина; ты видела эту корягу, ты просто хочешь, чтоб взял тебя за руку. Ну или, знаете, под локоток. Чтоб все сразу запросто... И он берет тебя за руку и наклоняется, и в те лишние три секунды, пока коряга не хочет убраться с дороги, ты думаешь, что ваши дети вот точно так же смотрели бы, слегка склонив голову и улыбаясь. И думаешь: боже, какая же дура, какие с ним дети... А что, если он поцелует? А дальше? А если не станет? Вот черт, я запачкала блузу. А если заметит? Ты думаешь это. Ты думаешь это и замечаешь, что вы давно возвратились и твой человек уезжает с блондинкой. Ты видела ее - мельком, еще в застолье; похожа на белку или на кролика, ну если б у кролика была та помада. А ты остаешься.

ВОЛЬДЕМАР. А я вот бездарность.

ФАЯ. Ты остаешься и знаешь, что так и останешься женщиной, с которой не уезжают.

ВОЛЬДЕМАР. Я понял в тот вечер. Я вышел на сцену, - со мной была девочка, Таня или Марина, не помню. Такая как ты, щебетала. Я вдруг увидел ее глазами: вот эти вот руки - нелепых, фальшивых движений. Вот это вот тело — любого мужчины. Какое-то время

любовник, потом — чей-то дядюшка, располневший сосед. Потом — кушать подано. Такие, знаешь, седые лакеи с манерами.

ФАЯ. Вы очень красивый.

ВОЛЬДЕМАР. Ты глупая, Фая. Ты слышала смех?

ФАЯ. Когда обрыв уронила?

ВОЛЬДЕМАР. Нет, раньше.

ФАЯ. Когда говорила? Ну, пьеса смешная.

ВОЛЬДЕМАР. Да вздор, а не пьеса. Ты говорила, а люди смеялись. Я руку бы отдал.

ФАЯ. Хотите, я вас научу?

ВОЛЬДЕМАР. Меня?

Фая смотрит на него, будто что-то прикидывая, кивает.

ВОЛЬДЕМАР. Ну попробуй.

ФАЯ. Вот выйдите в дверь. Представьте, что вы меня любите. Страстно. Как женщину. Да-да, влюблены. Конкретно в меня. Давайте, старайтесь. Секунд пять, может, семь. Потом заходите - с той реплики... Помните, там, у горы?

Вольдемар выходит, Фая прикрывает за ним дверь. Тихонько отстукивает каблуком ритм — пять, четыре, три, два, один.

ФАЯ. Все, заходите.

За дверью тишина.

ФАЯ. Владимир Николаевич?

Тишина.

ФАЯ. Влюбились? Идите!

За дверью раздается мужской шепот и громкий, кокетливый женский смех.

